

И. А. Алимов

Сунские авторские сборники *бицзи* 筆記:
предварительные наблюдения

1

Одной из главных особенностей китайской культуры является, как известно, непрерывное развитие ее письменной традиции, когда на протяжении многих веков переписывались и комментировались канонические тексты, лежавшие в основе представлений об образованности и подготавливавшие самим своим существованием, непрерывным воспроизводством возникновение текстов новых. Появление письменного произведения было обусловлено (и поддерживалось) существованием других. В своих суждениях о событиях древности авторы опирались на письменные произведения; письменный текст воспринимался как единственное историческое свидетельство. Строгая выверенность сообщаемых сведений особенно видна в тех китайских сочинениях, которые принято относить к историческим; уже Сыма Цянь (145/135? г. до н. э.—?), излагая в «Ши цзи» («Исторические записки») сведения о том или ином лице или событии, свое личное суждение по поводу этого добавлял часто только в конце, подчеркивая тем самым свою объективность.

Результатом такого непрерывного развития письменной культуры стало сравнительно раннее появление великого множества разнообразных по характеру текстов, одной из отличительных особенностей которых была историческая направленность. Поступательное развитие письменной культуры поддерживала и существовавшая в старом Китае система управления страной, при которой грамотность и знание определенного числа канонических текстов являлись непременным условием для получения чиновничьей должности. Государственная система экзаменов для занятия вакантного поста в аппарате управления обеспечивала непрерывность «производства» государственных мужей-литераторов; ориентация на широкое знание текстов, на умение эти тексты интерпретировать и создавать на их основе новые являлась предпосылкой для дальнейшего развития письменной культуры как вглубь (комментарии), так и вширь (появление новых произведений — прозаических и поэтических, художественных и исторических, сюжетных и бессюжетных).

Среди великого множества дошедших до наших дней китайских письменных памятников особую группу составляют авторские сборники *бицзи*; к сожалению, не смотря на довольно значительное количество этих сборников и разнообразие заключенного в них материала, в мировой науке они до сих пор остаются малоизученными¹.

2

Истоки *бицзи* как явления следует искать в древнекитайских исторических памятниках, древнейших философских сочинениях и в памятниках, ныне относимых к сюжетной прозе. Прообразы *бицзи* в их классическом виде начали появляться в танское время (618—907), однако начало подлинного расцвета *бицзи* относится ко времени правления династии Сун (960—1279) — периоду бурного подъема всей китайской культуры, и в первую очередь — культуры письменной. Изменение формы книги от свитка к брошюровке в виде тетради, распространение ксилографии и увеличение книжной продукции сделали книгу доступной самым широким слоям населения и гораздо более удобной в обращении. Стали более доступны знания и образование — в 1044 г. правительственным указом школы были учреждены повсемест-

1

но в областных и уездных городах. Изменения произошли и в отношении к учености, к знаниям, необходимым для сдачи экзаменов на право занятия вакантного поста в аппарате управления страной; более высокие требования вызвали к жизни многочисленные, систематически организованные подборки извлечений из различных сочинений самой широкой тематики (類書 *лэйшу*, «энциклопедии»).

Общие тенденции не могли не коснуться и сборников *бицзи*. Каждый крупный сунский литератор и чиновник, кажется, оставил после себя такой сборник. Некоторые из них значительны по объему и потребовали от авторов много времени и усилий: в них царит строгая организация материала по разделам, интересовавшим авторов; некоторые, маленькие и хаотичные по содержанию, производят впечатление черновой записной книжки ученого, сохранившей мысли, наблюдения, наброски, выписки и сведения, не вошедшие в другие сочинения. Но уже в ранних сунских *бицзи* заметна тенденция к энциклопедическому, а не узкотематическому охвату материала, и кажущаяся хаотичность, возможно, обманчива — такое впечатление возникает оттого, что мы не понимаем пока до конца принципы организации этих текстов. Такое понимание стало бы результатом комплексного изучения *бицзи* как особой формы авторского сборника в ее историческом развитии.

Суммируя предварительные наблюдения над сунскими сборниками *бицзи*, мы присоединяемся к современному китайскому исследователю Чжан Хуэю, который в качестве характеристических особенностей *бицзи* выдвинул следующие: а) полная свобода формы сборника — материал в нем может быть определенным образом внутренне организован и разделен, скажем, на цзюани, а может быть не организован никак; сборник может быть огромным (как, например, «Жун чжай суй би» 容齋隨筆 Хун Мая 洪邁, 1123—1202), а может быть совсем маленьким; наконец, составляющие его фрагменты могут быть как довольно значительными по размеру, так и короткими записями в несколько иероглифов; почти неизменным компонентом *бицзи* становятся фрагменты типа шихуа, «рассуждения о стихах»; б) спонтанность внутреннего построения сборника, невыраженная структура композиции; это декларируют сами авторы сборников в предисловиях к ним². Похожим образом, но менее конкретно, характеризует *бицзи* и Лю Е-цю: «Я полагаю, что главной характеристической чертой *бицзи* в плане содержания будет "разнообразие" (雜): несвязанность тематическими рамками, записи того, что слышал сам; в плане формы — "свобода, несвязанность" (散): длинное и короткое, произвольность компоновки»³.

Что касается содержания *бицзи*, то Лю Е-цю, автор единственного до сего времени исторического очерка *бицзи*, выражает до определенной степени общее расхожее мнение, предлагая делить эти сборники на *сяошо гуши бицзи* (小說故事筆記), т. е. *бицзи*, содержащие главным образом фрагменты сюжетного характера, маленькие и короткие; *лиши совэнь бицзи* (歷史瑣聞筆記), т. е. сборники, содержащие исторические сведения неофициального характера, не вошедшие в официальные исторические сочинения либо дополняющие их; и *каоцзюй бяньчжэн бицзи* (考據辨証筆記), т. е. сборники, посвященные разного рода неточностям, ошибкам, трудным местам, словам, понятиям и их исправлению, уточнению, разъяснению. Похожую классификацию предлагает Чу Бинь-цзе: *сяошо гуши бицзи*; *еши цзювэнь бицзи* (野史舊聞筆記), т. е. сборники, содержащие записи исторического характера; *цункао цзабянь бицзи* (叢考雜辨筆記), т. е. сборники, содержащие наблюдения научного характера, сделанные при чтении чужих сочинений, и сведения археологического, этимологического, текстологического и т. п. характера; *цзалу цунпань бицзи* (雜錄叢談筆記), т. е. собрания высказываний, шуток и анекдотов, сведений самого разного характера — словом, всего того, чему не нашлось места в первых трех группах сборников⁴. В отдельную группу следует выделить путевые дневники и заметки, сделанные во время путешествий, также получившие при Сун широкое распространение; их в настоящей работе мы затрагивать не будем. При этом следует учиты-

вать, что любое деление крайне условно и касается исключительно содержания; пользоваться приведенной классификацией применительно к конкретным сборникам также весьма затруднительно⁵.

3

Большинство исследованных мною сунских сборников *бицзи* принадлежит или к *лиши совэнь бицзи*, или к *каоцзюй бяньчжэн бицзи*. Это очевидно из их содержания.

«Заметки господина Сун Цзин-вэня» 宋景文公筆記 Сун Ци 宋祁

Употребление *бицзи* в названии сборников было положено северосунским Сун Ци, автором «Сун цзин вэнь гун би цзи» («Заметки господина Сун Цзин-вэня»). В дошедшем до нас тексте «Заметок...» три цзюани, в которых объединены сто шестьдесят шесть фрагментов. Все три цзюани имеют заголовки.

Цзюань первая носит название «Ши су» (釋俗 «Толкование обычаев»). Среди составляющих ее фрагментов (их тридцать два) можно выделить несколько более или менее устойчивых тематических групп:

1. Заметки, наблюдения автора, касающиеся иероглифов, пишущихся или употребляющихся, с точки зрения Сун Ци, неверно. Он дает правильное их написание, объясняя, почему возникла ошибка; приводит первоначальное написание, объясняет особенности употребления того или иного иероглифа, подкрепляя свою точку зрения примерами из сочинений предшественников, где употребляются интересующие его иероглифы, в том числе и из древнейших памятников.

2. Фрагменты, где Сун Ци разъясняет смысл того или иного слова, прослеживая отчасти и историю его происхождения. Например, он упоминает употребляемую в китайских толковых словарях систему передачи чтения иероглифа фаньце.

3. Фрагменты, касающиеся тех или иных обычаев, распространенных в современном Сун Ци китайском обществе.

4. Фрагменты, посвященные поэзии и весьма напоминающие ранние сунские шихуа, где Сун Ци высказывает свое мнение о стихах (отдельных стихотворных строках) тех или иных авторов, сравнивает их, перечисляет поэтов, которых считает достойными или выдающимися; приводит заинтересовавшие его суждения других лиц о поэзии и о поэтах.

Цзюань вторая (шестьдесят восемь фрагментов), название которой «Као гу» (考古) мы условно переводим как «Разыскания в области древностей», принципиально не отличается от первой — ведь, по сути, вся работа Сун Ци как типичного китайского книжника сводилась именно к разысканиям в области разного рода древностей и поискам первоначального смысла слов и содержания понятий; все крупные темы первой цзюани встречаются и здесь. Однако акцент на обычаях не столь силен, и потому можно выделить несколько иные главные тематические группы:

1. Фрагменты, посвященные известным ученым, в первую очередь конфуцианцам, прошлого и современникам Сун Ци. Сюда мы включаем высказывания о поэтах и поэзии; замечания вроде того, как правильно следует писать имя Бао Чжао (鮑照 421?—466?); заметки о высказываниях и сами высказывания исторических лиц и знакомых Сун Ци; здесь же можно найти суждения о различных государственных деятелях.

2. Фрагменты, объясняющие, почему так много ошибок делают современные Сун Ци ученые — их неграмотность, в частности, базируется на незнании словаря «Шо вэнь цзе цзы», в котором они могли бы справиться об изначальном смысле того или иного иероглифа. Целая серия примеров иллюстрирует ошибки, возникающие из-за подобного рода неграмотности.

3. Фрагменты, посвященные уточнению мест из различных сочинений. В первую очередь это разного рода замечания, разъяснения, текстологические комментарии к

фрагментам текста или даже отдельным иероглифам из «Хань шу» («История [династии] Хань») либо пояснение смысла комментарием на «Хань шу», сделанным Янь Ши-гу (顏師古 581—645); также это замечания о комментариях Ван Би (王弼 226—249) на «И цзин» («Книга Перемен»).

4. Фрагменты, где речь идет о прозаических (бессюжетных) произведениях и их авторах — древних и современных Сун Ци. Эти фрагменты носят текстологический характер и представляют собой оценки (высказывания) самого Сун Ци или других лиц по поводу того или иного произведения или автора.

5. Фрагменты, посвященные рассуждениям об управлении государством. Сун Ци приводит образцы совершенных правителей: например, ханьский Гао-цзу (на троне с 205 по 195 гг. до н. э.), управлявший, по словам Сун Ци, столь мудро, что его преемники крепко держали в руках бразды правления и ни в чем беспокойства не испытывали. По убеждению Сун Ци, у власти должны стоять люди просвещенные.

Если первые две цзюани более или менее однородны, то цзюань третья (шестьдесят шесть отрывков) полностью отвечает своему названию: «Цза шо» (雜說 «Разные высказывания»).

1. Высказывания, занимающие сравнительно большой объем и посвященные вопросам управления государством, а также взаимоотношениям государя и подданных.

2. Высказывания о мироустройстве, соотношении земли и неба. Далеко не все из приводимых тут сентенций принадлежат самому Сун Ци, однако ссылок на источники почти нет.

3. Короткие — от восьми до двадцати иероглифов — высказывания афористического характера о самом разном: «Нет ничего живительней дождя и росы, а роскошные травы высыхают опять; нет ничего свирепей инея и снега, а сосны и кипарисы зелены и зимой».

В конце особняком стоят четыре отрывка — они отличаются и по объему, и по содержанию. Это произведения автобиографического характера: текст эпитафии и мемориальной стелы для могилы автора, а также обращение к родственникам с разъяснением о том, как нужно поступить с телом Сун Ци после его смерти.

Сборник Сун Ци, таким образом, представляет собой эссеистическое собрание отдельных, бессюжетных и не связанных общей фабулой, законченных записей (фрагментов), как правило коротких и лаконичных. В сборнике свободно совмещаются чисто информационные фрагменты, эстетические оценки, поэтические строки, афоризмы, фрагменты автобиографического характера, но сюжетные произведения отсутствуют. «Сун цзин вэнь гун би цзи» можно сравнить с записной книжкой ученого, где содержатся различные рабочие материалы, не нашедшие употребления при работе над другими сочинениями (например, над «Синь тан шу», «Новой историей [династии] Тан», которой Сун Ци отдал десять лет жизни). И хотя эти материалы не разделены на четкие тематические группы, явственным образом прослеживаются главные темы, которые составляли главный интерес автора и к которым автор в разных местах возвращался: государственное управление, исправление ошибок, оценка поэтических произведений и пр.

«Краткие речения из Бэймэн» 北夢瑣言 Сунь Гуан-сяня 孫光憲

Время жизни Сунь Гуан-сяня пришлось на самый конец правления династии Тан, период Пяти Династий и первые годы правления сунской династии, и это определило основное содержание сборника: речь в «Бэй мэн со янь» идет о времени конца правления династии Тан и Пяти Династий. Сунь Гуан-сянь не случайно обратился именно к этому времени: во-первых, он был современником и очевидцем многих событий, которые запечатлел, и в силу своего общественного положения знал многих деятелей лично; во-вторых, как сказано в предисловии Сунь Гуан-сяня к его сборнику, «при Тан, во времена смут и беспорядков годов под девизом правления

Гуан-мин (880—881) редкие книги исчезли без следа, а после императора У-цзуна (на троне с 841 по 847 гг. — И. А.) наступило безлюдье и неизвестность, и некому было передавать память о славных деяниях при дворе и в провинциях», и Сунь Гуансянь, «стыдясь отрывочности своих знаний», решил восполнить этот пробел.

«Краткие речения из Бэймэн» — довольно обширный сборник главным образом сюжетных произведений, выполненный в духе неофициального исторического сочинения; хотя материал сборника никак тематически не организован, можно тем не менее заметить определенную группировку произведений. Например, в восемнадцатой и девятнадцатой цзюанях собраны двадцать три истории, касающиеся поздне-танского императора Мин-цзуна (на троне с 926 по 934 гг.). В седьмой цзюани помещено более двадцати повествований о происшествиях на государственных экзаменах. Среди героев сочинения Сунь Гуансяня немало известных поэтов и книжников: Гу Куан (727—815), Бо Цзюй-и (772—846), Ли Шан-инь (812—858?), Пи Жи-сю (834?—883), Не И-чжун (837—884?), Ду Сюнь-хэ (846—904), Ло Инь (833—909), Вэй Чжуан (836—910) и др., причем фрагменты, им посвященные, достаточно обширны и информативны. Есть в сборнике и уникальные сведения о танских императорах и императорских родственниках.

Представлены в «Бэй мэн со янь» и истории, связанные с волшебным миром и сверхъестественными существами — душами умерших, святыми и бессмертными, с воздаянием и т. п., но их не так много.

Несколько отличается от предыдущего сборник **«История с мухобойкой»** 塵史 Ван Дэ-чэня 王得臣. В сборнике Ван Дэ-чэня материал организован в сорок четыре разновеликих, неравноценных тематических раздела (мэнь 門): «Инь юэ» («Музыка»), «Чжи цзя» («Управление домом»), «Жэнь жэнь» («Служилые люди») и т. д. Некоторые разделы содержат одну только запись — например, «Чжи ци» («Решимость»), а некоторые достаточно велики и разнообразны. В целом можно говорить и об определенной тематической окраске каждой из трех цзюаней.

В первой цзюани (двенадцать разделов) сосредоточены фрагменты, по большей части посвященные императорам, императорскому двору и высшим сановникам. Приводимые здесь эпизоды из жизни сунских императоров (Гао-цзу, Шэнь-цзун, Ин-цзун) свидетельствуют о высоких их добродетелях и призваны служить иллюстрацией мудрого управления Поднебесной.

В ряде маленьких разделов (насчитывающих по два—четыре фрагмента) — «Чжоу чжи» («Установления при дворе»), «Гуань чжи» («Установления для чиновников»), «Жэнь жэнь» («Служилые люди») и пр. — говорится о сановниках и порядках, принятых при дворе и в кругу высшей знати. Здесь, а также и во всем сборнике Ван Дэ-чэня, речь идет в первую очередь о средних и высших чиновниках, находящихся при исполнении служебных обязанностей, но не о вышедших в отставку и пребывающих не у дел, вне службы. О содержании относящихся сюда фрагментов отчасти говорят названия разделов — «Чжун дан» («Верные государю и справедливые»), «Хуэй чжэн» («Милостивое управление»), «Сянь дэ» («Мудрые и справедливые») и пр. Ван Дэ-чэня интересуется личностью известного человека или прославленного государственного деятеля именно как человека, управляющего народом и обладающего властью; он подчеркивает качества, позволяющие такому человеку, будучи на службе, осуществлять управление, при котором процветает народ и богатеет государство. Среди упомянутых сановников — известные северосунские деятели: Коу Чжунь (961—1023), Хань И (972—1044), Оуян Сю (1007—1072), Фу Би (1004—1083), Дин Вэй (966—1037), Фань Чжун-янь (989—1052). Ван Дэ-чэнь приводит любопытные ему эпизоды из их служебной деятельности. Много здесь говорится и о справедливой налоговой политике в областях — особенно о налоге чаем, в связи с чем упоминается, например, Чжан Юн (946—1015).

Особый интерес в этой цзюани представляет обширный раздел «Ли и» («О сути этикета»), посвященный любопытнейшим подробностям, касающимся одежды чиновников: шапок, поясов и т. д.

Во второй цзюани (семнадцать разделов) речь идет о прославленных сановниках (эрудитах и ученых) и об учености, знании в широком смысле слова: о поэзии, изящном слове (*вэнь*), живописи, каллиграфии. В ряде мелких разделов — «Чжи цзя» («Управление домом»), «Тан у» («Экзаменационный двор»), «Бэй цзе» («Квадратные и круглые стелы»), «Шу хуа» («Живопись и каллиграфия») содержатся фрагменты, с разных сторон показывающие исключительные человеческие качества исторических лиц, многие из которых упоминались выше, но их исключительность проявляется здесь не в мудрых актах управления, а в разного характера мелких происшествиях.

В другом крупном разделе «Шэнь шоу» («Помощь духов») собраны фрагменты, посвященные предвестиям, предсказаниям и вещим снам, — например, о том, как мать братьев Сун перед рождением Сун Сяна видела во сне человека в красном, вручившего ей крупную жемчужину, а перед рождением Сун Ци (998—1061) тот же человек вручил ей «Литературный сборник». В этой же цзюани содержится и «Ши хуа» («Рассуждение о стихах»), куда входят тридцать два фрагмента: известные строки из стихотворений современников Ван Дэ-чэня с его собственными пояснениями и суждениями, высказывания и мнения о стихах, поэзии и поэтическом мастерстве приятелей Ван Дэ-чэня и людей для него авторитетных, показавшиеся ему любопытными или в чем-то не совсем правильными (и в этом случае Ван Дэ-чэнь поправляет их). Тут же — стихи на смерть младшего брата Ван Дэ-чэня.

В третьей цзюани (пятнадцать разделов) собраны тематически неоднородные фрагменты, как-то: «Гу ци» («Древняя утварь»), «Цзе ша» («Предостережения от убийства»), «Чжэнь вэй» («Истинное и ложное»), «Юй чэнь» («Пророчества»). Пожалуй, в этой цзюани больше всего фрагментов, содержащих элементы необычного, даже сверхъестественного. В разделе «Ци и» («Удивительное и необычайное») приводится, например, широко известная и встречающаяся в других сборниках *бицзи* история о том, как сосланный в Лэйчжоу Коу Чжунь обратился с молитвой к Небу, срезал бамбук, воткнул его в землю, и бамбук тут же пустил корни; в разделе «Чжань янь» («Сбывшиеся предсказания») речь идет о случаях, свидетелем которых был сам автор.

Содержание третьей цзюани, пожалуй, лучше всего отражает название одного из входящих в нее разделов: «Цза чжи» («Разные записи»).

Несмотря на все это разнообразие, подавляющее число фрагментов «Истории с мухойкой» посвящено чиновникам, находящимся на службе, их государственным деяниям или каким-то случаям с ними, в том числе удивительным; а также их высказываниям, стихам, установлениям (чжи), принятым в их среде.

Сборник Ван Дэ-чэня, по своему характеру будучи именно *ши*, историей, представляет собой собрание достаточно разнородных записей информационного характера: бессюжетных (и такие фрагменты преобладают), сюжетных (типа *чжижэнь сяошо*, анекдотов), поэтических заметок (*шихуа*). Действие многих фрагментов происходит на родине автора — в Аньлу или в местах, где он бывал. Собранный материал по большей части источником имеет не книги, тексты, а непосредственные впечатления автора, это оригинальные плоды его личных наблюдений. Именно личностное начало, с одной стороны, объединяет разрозненные фрагменты в единый сборник, а с другой — придает содержанию «Истории с мухойкой» особую ценность и уникальность. Это сочинение, вне всякого сомнения, является важным источником для исследователя культуры сунского Китая в самых разных ее аспектах, и в первую очередь в этнографическом.

Ярко отличается от прочих **сборник Лю Фу 劉斧 «Высокие суждения у дворцовых ворот» 青瑣高議**. Это, пожалуй, самый изученный из сборников *бицзи* (фрагменты из него переводили Б. Л. Рифтин и К. И. Голыгина). Об авторе — Лю Фу — мы располагаем крайне скудными сведениями. Достоверно известно лишь его имя, точнее, известно имя, которым подписан сборник. Мы знаем, что человек с таким именем обладал ученой степенью *сюцяя*, т. е. сдал экзамены на первом этапе конкурсного отбора на вакантную должность, и это позволяет предположить, что Лю Фу происходил из чиновничьей семьи и готовил себя к службе.

Кратко о составе сборника. «Цин со гао и» состоит из трех частей: первые две включают в себя по десять цзюаней, третья — семь. Это сто сорок четыре произведения в различных жанрах. На первую часть приходится сорок девять из них, на вторую — семьдесят два, на третью — двадцать три. Следует также учесть тридцать шесть отрывков, составивших приложение к основному корпусу (в издании 1983 г. в Пекине). В сборнике совмещены новеллы *чуаньци*, преобладающая по объему сюжетная проза сяшо дотанского образца — как об удивительном (*чжигуай*), так и о событиях и людях (*чжижэнь*), — бессюжетная проза (заметки и рассуждения), отдельные стихотворные произведения, рассуждения о стихах (*шихуа*). Все включенные в сборник произведения имеют заголовки из разного числа иероглифов (как правило, из трех); а также подзаголовки из семи знаков, раскрывающие содержание. Немаловажным является и то обстоятельство, что около четверти всех произведений в «Цин со гао и» имеют резюме. Возможно, такими резюме (начинающимися со слов *議曰* или, реже, *評曰* «[Мое] суждение таково») Лю Фу дополнял чужие произведения, и тогда наличие подобного резюме служит показателем несобственного авторства Лю Фу.

По своему содержанию и жанровому составу сборник Лю Фу, обладая типическими чертами *бицзи*, в то же время стоит особняком: только в этом сборнике — из дошедших до наших дней сунских книг — мы находим большое количество крупных сюжетных произведений (новелл *чуаньци*). Получившаяся в результате авторского отбора «жанровая смесь» открывает возможности для изучения различных аспектов сунской культуры под разным углом зрения: в поле зрения автора попали не только реальные исторические лица — Хань Юй, Лю Цзун-юань, Ли Фан, Чжан Юн, Коу Чжунь, Оуян Сю, Мэй Яо-чэнь, но и целый ряд даосских святых — Люй Дун-бинь, Хань Сян-цзы и Хэ Сянь-гу, а также буддийских наставников; сюжетные произведения, в свою очередь, позволяют судить об особенностях мировоззрения крупных сунских сановников и книжников и, шире, — о менталитете времени. «Цин со гао и» — авторский сборник, но в изрядной части компилятивный, поэтому мы можем говорить о том, что в нем отразились взгляды и пристрастия не одного Лю Фу (что выразилось в подборе материала), но — опосредованно — взгляды образованных слоев сунского общества на мир и место, принадлежащее в нем человеку.

4

Поставив перед собой задачу добиться точности знания и излагаемых сведений, авторы сборников *бицзи* пользуются источниками трех родов, а именно: письменными текстами, заслуживающими, по их мнению, доверия (часто такие тексты в настоящее время оказываются безвозвратно утраченными; упомянутый выше Лю Фу включил в свой сборник четырнадцать сочинений своих современников, единственно благодаря «Цин со гао и» сохранившиеся; даже имена этих авторов мы узнаем исключительно из сборника Лю Фу); далее — рассказы старших современников, как правило, родственников, наставников или лиц, авторитетных для автора; наконец, личными разысканиями и впечатлениями, тем, «что видел и слышал». Кстати, в двух последних случаях авторы сборников *бицзи* все равно пытались перепроверить полученную информацию по доступным им письменным текстам. Например, Гун Мин-

чжи 龔明之 (1091—1182) в предисловии к своему сборнику «То, что слышал о Центральном У» 中吳紀聞 пишет, что в основу его сочинения легли истории, слышанные от деда и его знакомых («Когда я в юности служил деду своему, то всякий раз, заслышав, как кто-то начинал рассуждать о делах предков из нашей местности, обращался в слух и внимал не отрываясь»); сведения, полученные от отца, Гун Куанцуна, его коллег по службе, знакомых и друзей, с которыми Гун общался, переезжая вместе с отцом от одного места службы к другому («Повзрослев, я путешествовал вместе с отцом и его сослуживцами, а все они были люди прославленные и ученые выдающиеся»); сведения, полученные Гуном в процессе преподавания и из бесед с друзьями и коллегами («Получал я знания о том, как было встарь, и от людей, с которыми сошелся близко...»). Полученные сведения Гун Мин-чжи сверял по соответствующим письменным источникам — «Всего этого нет ни в новой, ни в старой "Книге всех земель", и в "Записях об узких землях"». Или у Ван Дэ-чэня: «Тридцать шесть лет я удостаивался новых назначений. И все это время я записывал то, что слышал в беседах с наставниками и однокашниками, в досужих разговорах с гостями и сослуживцами, или то, что видел или слышал лично».

Таким образом, извлекаемые из сборников *бицзи* сведения во многом уникальны, во-первых, потому что являются личными впечатлениями авторов, во-вторых, потому что иных источников таких сведений просто не сохранилось.

Примеры тому многочисленны. В первую очередь, это **сведения о самих авторах бицзи** — реальных персонажах истории, о многих из которых мы знаем единственно из их сочинений — между тем, это часто немаловажные фигуры в китайской истории. Часто это касается и родственников авторов *бицзи*, тогда *бицзи* становятся единственным источником сведений об этих людях. Так, Чжу Юй 朱彧 (1075?—после 1119) в своем сборнике «Из бесед в Пинчжоу» 萍洲可談 весьма обстоятельно сообщает о Ху, своих родичах по материнской линии, перечисляет их и те государственные посты, которые довелось занимать мужским представителям рода Ху; в общей сложности в сборнике Чжу Юя такие сведения даются в 28 фрагментах. А практически все сведения о Гун Цзун-юане (X в.), мы находим в сочинении его правнука Гун Мин-чжи.

Далее это **эпизоды из жизни известных исторических лиц**, не нашедшие отражения в официальных исторических сочинениях, и дающие дополнительные материалы для их характеристики, раскрывающие подчас неизвестные факты их биографий. Например, Ван Дэ-чэнь сообщает, что Коу Чжунь еще в молодости прославился тем, что однажды во время засухи не побоялся ответить на вопрос императора, почему долго нет дождя. Коу Чжунь объяснил засуху несправедливым, корыстным управлением первого министра. Министру дали отставку, дождь пошел. Чжу Юй приводит сведения о семейной жизни знаменитого китайского энциклопедиста Шэнь Ко 沈括 (1029—1093), жена которого «била его и таскала за усы по земле так, что вырывала волосы с кровью и мясом», всячески тиранила и даже компрометировала своим поведением перед сослуживцами; Шэнь Ко стоически терпел ее поведение, но кончина супруги настолько его опечалила, что он чуть не утопился.

Весьма любопытен фрагмент из сборника Ван Дэ-чэня, повествующий о том, как министрам Коу Чжуню и Фань Чжун-яню в Дэнчжоу сооружали храмы: Коу Чжуню — уже после смерти, и благодарные жители стали приносить там жертвы его духу; Фань Чжун-янь же сам распорядился о строительстве своего храма: «В Байхуачжоу поначалу не было бога-покровителя местности, и когда Вэнь-чжэна (посмертное имя Фань Чжун-яня. — И. А.) назначили туда служить, он распорядился возвести кумирню. Плотники стал спрашивать, кого изображать в качестве статуи духа, и господин отвечал: "Да это буду я!" Так и построили кумирню для господина Вэнь-чжэна».

Несомненную ценность для исследователя представляют многие фрагменты сборника Чжу Юя, посвященные **установлениям, принятым для современного ему чиновничества** по части форменной одежды в зависимости от ранга, правилам наследования должностей родственниками высокопоставленных придворных и чиновничьим атрибутам (например, подушкам из меха животного жун и правилам, существовавшим относительно того, какого ранга чиновник и начиная с какого времени имеет право сидеть на такого рода подушках).

Не менее интересны, разнообразны и уникальны **сведения о различных исторических реалиях и обычаях**. Так, обращает на себя внимание рассуждение о бумаге, приводимое Сун Ци: «В древности все книги писались исключительно на желтой бумаге и потому называли их *хуан цзюань* (黃卷 желтые свитки). У Янь Чжи-туя сказано: "В Поднебесной книг не перечесть, желтым всех ошибок не замазать". [Речь идет о] желтой краске, цветом такой же, как и бумага, потому ее и использовали, чтобы исправлять ошибки. А ныне пишут на белой бумаге, знатоки исправляют ошибки желтым. Цвета не сходятся. Вот только даосские и буддийские сочинения все еще пишутся на желтой бумаге». Ван Дэ-чэнь достаточно подробно описывает головные платки *чжэшанцзинь* 折上巾, *нюэр пупоу* 牛耳幘頭, историю и способы изготовления шапок *тэнциньцзы* 藤巾子 — плетеных из тростника, *шацзинь* 紗巾 — из флера, травяных головных платков. Тут же приводится описание эволюции памятных дощечек (*ху фэн*), неперемного атрибута чиновника на высочайшей аудиенции, их размеров и материала: «Памятные дощечки носящих пурпурное платье делаются из слоновой кости, сверху — загнутые, снизу — прямые; у носящих зеленое платье — дощечки из дерева софоры, сверху — изогнутые, снизу — прямоугольные. Дощечки из слоновой кости поначалу делались короткие и толстые, как вдруг их стали делать длинными и широкими. В годы Хуан-ю дощечки эти делались совсем огромными и тонкими, слегка загнутыми внутрь; их называли *баошэнь* (抱身 охватывающие тело). А потом снова вошли в употребление прямые и в размерах умеренные дощечки. Что же до деревянных, то они сначала тоже были очень толстые, а сейчас — тонкие, и не из софоры».

Нередко эти сведения носят этнолингвистический характер. У Сун Ци: «Южане все реки называют *цзян* 江, а северяне все реки называют *хэ* 河, из-за диалектных различий в названиях рек Хуай и Ци нет полной ясности». Несколько фрагментов его сборника посвящено обычаям, распространенным в сунском Шу (современная провинция Сычуань): стариков, например, там называли не *лао* 老, а *ло* 囉. Или: «При Цинь и Хань о себе говорили *чэнь* (臣 подданный), а Сын Неба к гунам и цинам обращался *цзюнь* (君 сударь). Но позже так уже не делали: был *цзюнь* (君 государь) и *чэнь* (臣 его подданные)».

У Оуян Сю есть сведения о лунфэнском чае и специальных футлярах, вышиваемых для него дворцовыми женщинами: этот сорт чая так ценился, что император жаловал им в качестве поощрения столичных чиновников.

Особую ценность для историка представляют **сведения, посвященные обычаям и реалиям той иной местности**. Такие сведения тем более важны, что от сунского времени до нас их дошло до обидного мало. В первую очередь в этом смысле обращает на себя внимание сборник Гун Минь-чжи с говорящим за себя названием «То, что слышал о Центральном У». Внимание автора сосредоточено на сведениях об обычаях, нравах, событиях и исторических лицах, происходивших из его родных мест — Центрального У (район Сучжоу и Куньшани в совр. пров. Цзянсу). Сборник Гун Мин-чжи — своеобразная энциклопедия этой местности. Одним из главных достоинств сборника, несомненно, являются многочисленные биографические данные о выходцах из У, отсутствующие во всех прочих доступных нам источниках.

В сборнике Чжу Юя очень много места уделено уникальной **информации о юге сунского Китая** (вторая цзюань), в первую очередь о Гуанчжоу и квартале этого города, где селились иностранцы, о таможенной службе и правилах таможенных сборов, налогообложении для торговцев, о товарах. В этом сборнике содержится одно из первых упоминаний о применении компаса на китайских морских судах (компас и правила его применения были описаны также в другом сборнике *бицзи* — «Записи бесед в Мэнси» 夢溪筆談 Шэнь Ко).

Не менее ценны и сообщаемые сборниками *бицзи* **сведения о сверхъестественном**. В сборнике «Высокие суждения у дворцовых ворот» перед читателем предстает разнообразный и сложный волшебный мир, имеющий строгую иерархическую организацию. Мы находим здесь частичное описание обеих сфер иного мира — подземной (ад) и сферы небожителей. Картина ада дана в рассказе «Чэн Шуй». Названы три адских отделения: ад, где поджаривают; ад, где варят; ад, где пилят. В подземном мире царит строгий порядок: бегают чиновники, отдаются приказы, работает канцелярия, смоделированная по образцу чиновничьего аппарата в мире людей. Вновь поступающая душа подвергается допросу, ее дело тщательно разбирают. Определяется мера вины и степень строгости наказания, после чего душа может получить перерождение. Какое-то число душ некоторое время находится вне состояния перерождения (эти души называются «неприкаянными») то ли по причине неправильного захоронения, то ли по решению загробного владыки. Возможны в загробном разбирательстве ошибки, которые, как правило, все же исправляются. Об иерархии святых можно получить представление из новеллы «Списки святых с горы Цюньюйфэн», где приводится целая табель о рангах. Святые продвигаются вверх по иерархической лестнице, совершенствуя свое дао посредством временных погружений в мир людей, где в грешных соблазнах суетной жизни, как в горниле, закаляется нравственная чистота святого. Лю Фу пишет, что вельможи мира людей в большинстве своем — временные воплощения святых, и когда они умирают в мире людей, то в горнем мире занимают соответствующее положение. Сведения такого рода интересны тем, что, в отличие от канонических даосских и буддийских сочинений, отражают реальную картину бытования представлений о сверхъестественном и более близки к верованиям простонародным.

5

Таким образом, сборники *бицзи* представляют собой не новый литературный жанр, но особую форму организации авторского сборника. Известно, что основной единицей бытования сюжетной прозы, послужившей одной из прародительниц *бицзи*, в Китае был именно сборник, имевший название (и становившийся известным именно по этому названию) и объединявший в себе отдельные фрагменты, в той или иной степени законченные и, как правило, без собственных заголовков. Человек же, чье имя было вынесено на титульный лист сборника, являлся автором в первую очередь данного собрания, компиляции, ибо далеко не все вошедшее в сборник было написано им лично: некоторая, иногда значительная, часть фрагментов могла быть позаимствована (с частичными изменениями или вообще безо всяких изменений) автором из сочинений и сборников предшественников; авторское начало состояло прежде всего не в сочинении отдельных произведений, но в принципе их подбора. То же мы видим и в сборниках *бицзи* — соединяя в рамках одного сборника прозу различных жанров (в том числе прозу со стихотворными вкраплениями) — сюжетную и бессюжетную, — авторы *бицзи* дали тем самым жизнь принципиально новой форме текста, фактически не знающей жанровых ограничений.

Одна из главных особенностей *бицзи* — направленная историчность. Все должно быть записано и сохранено с тем, чтобы потомки имели возможность сравнения, уточнения, опровержения. Непрерывность существования китайской пись-

менной традиции позволяет исследователю изучать не только самый исторический процесс и детали этого процесса, но и детали деталей, а также их видоизменение и изменение их восприятия. Авторские сборники *бицзи* для того уникальны. Они принципиально незамкнуты и вбирают в себя самый разный материал; они содержат разную информацию, подобно золотоносной породе: где-то больше, где-то меньше.

По характеру объединенных в сборник сведений *бицзи* можно условно разделить на три более или менее устойчивые тематические группы: *лиши совэнь бицзи*, т. е. сборники, содержащие исторические сведения неофициального характера, не вошедшие в официальные исторические сочинения либо дополняющие их; и *каоцзюй бяньчжэн бицзи*, т. е. сборники, посвященные разного рода неточностям, ошибкам, трудным местам, словам, понятиям и их исправлению, уточнению, разъяснению; *сяошо гуши бицзи*, т. е. *бицзи*, содержащие главным образом фрагменты сюжетного характера, маленькие и короткие (исторические случаи, происшествия, заметки о сверхъестественных явлениях, пр.). Большинство сборников *бицзи*, послуживших материалом для настоящего исследования, следует относить к первой или второй группе.

Авторские сборники *бицзи* представляют собой самую перспективную группу источников по воссозданию категориальной картины мира сунского общества в том виде, в каком она нашла отражение в этих сборниках. Здесь нет хаотичной неорганизованной стихии народной жизни, поскольку сунский книжник является носителем «книжной мудрости». Но здесь также нет и догматических конструкций, присущих философским теориям и религиозным учениям. И нет их потому, что сунский автор живет в толще народной жизни и все происходящее ею поверяет. Не случайны подтверждения жизненных случаев выписками из сочинений предшественников и современников. Но не случайны одновременно и опровержения уже известного, дополнения и уточнения.

Особенно следует отметить добротность и достоверность *бицзи* как исторического источника: это документы эпохи, созданные в конкретный исторический период и зафиксировавшие его — начиная с незначительных происшествий и заканчивая обширными описаниями обычаев, существовавших на то время.

Последовательное введение в широкий научный оборот сунских авторских сборников *бицзи* подготавливает солидную источниковедческую базу для исследования многих аспектов материальной и духовной жизни Китая: в руки исследователям попадает целый пласт богатейшего разнородного материала, до сих пор остававшегося не востребуемым как в силу своей неизученности, так и в силу сложности изучения, определения и классификации; важность такого материала трудно переоценить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Краткий обзор научной литературы по данной теме, а также более подробную классификацию сунских авторских сборников *бицзи* см. в первом томе моей монографии: Алимов И. А. Вслед за кистью. Материалы к истории сунских авторских сборников *бицзи*. Исследования. Переводы. Ч. 1. СПб., 1996. (I. A. Alimov. Follow the Brush. Materials on the history of Song Dynasty author's biji collections. Researches. Translations).

² Чжан Хуэй. Саньлунь сун бицидэ цзигэ вэньти (Кратко о некоторых проблемах в связи с сунскими *бицзи*) // Сычуань дасюэ сюэбао (Вестник Сычуаньского ун-та). 1989. № 3. С. 88.

³ Лю Е-цю. Лидай *бицзи* гайшу (Очерк истории *бицзи* разных эпох). Пекин, 1980. С. 5.

⁴ Чу Бинь-цзе. Чжунго гудай вэньти гайлунь (Очерк древнекитайских литературных жанров). Пекин, 1990. С. 463.

---

⁵ В первом томе моей монографии (см. прим. 1) я предпринял попытку составления перспективного списка сунских сборников, которые на основе уже известного и исследованного могут быть отнесены к *бицзи* — в этом списке около шестидесяти сборников, он неизбежно будет уточняться, в первую очередь в сторону расширения.